

Стратегическое сдерживание в оборонной политике США

Олег Иванов

Зародившись в США как стратегия сдерживания коммунизма сдерживание прошло определенную эволюцию за последние десятилетия. В условиях окончания холодной войны, глобализации и одновременно расширения и качественного изменения угроз в США, становится актуальным вопрос о судьбе стратегического сдерживания.

Может ли оно сохраниться в неизменном виде, так как доказало свою эффективность или должно быть все таки адаптировано под изменившиеся современные условия?

Исходя из понимания многоаспектности стратегии сдерживания, официальная американская мысль особенно выделяет **стратегическое сдерживание**. После окончания холодной войны

стратегическое сдерживание не потеряло своей актуальности для внешней и оборонной политики США.

Выступая на слушаниях в Конгрессе США, заместитель министра обороны П.Вулфовиц заявил: «Стратегическое сдерживание остается основополагающей константой нашей новой оборонной стратегии даже в условиях, когда упор в планировании развертывания наших обычных сил переносится от глобального конфликта на региональные кризисы»¹.

На концептуальном уровне задача стратегического сдерживания заключается в том, чтобы своим стратегическим решением повлиять на стратегическое решение того, на кого это решение направлено.

Один из создателей теории игр политолог Т.Шеллинг подразумевает под

ИВАНОВ Олег Петрович – доктор политических наук, профессор кафедры международных отношений Дипломатической академии МИД России. E-mail: olivanov@inbox.ru

Ключевые слова: сдерживание, оборонная политика США.

этим теорию стратегии. «Подобная теория принимает конфликтность как данность, но при этом допускает существование у противников общего интереса; она допускает “логический”, максимизирующий ценность способ поведения, и опирается на предположение о том, что “наилучший” выбор каждого участника зависит от его ожиданий относительно действий другого участника. “Стратегическое поведение” связано с влиянием на чужой выбор путем воздействия на ожидания другого относительно того, как его собственное поведение связано с поведением этого другого»². Отсюда теорию стратегического сдерживания можно ассоциировать с теорией взаимосвязанных решений.

Стратегическое сдерживание базируется на создании и предъявлении стратегических угроз. По мнению Т.Шеллинга, цель угрозы состоит в сдерживании *ex ante*, а не в отмщении *ex post*. При этом важно убедить противника, что угроза не может, а обязательно будет реализована. Иначе у того, кому угрожают, может сложиться впечатление, что угрожающая сторона не полностью контролирует окончательное решение. Это может создать иллюзию безнаказанности.

С теоретической точки зрения стратегическое сдерживание строится на рациональной модели, что накладывает на него определенные ограничения, типичные для рационального подхода. Т.Шеллинг утверждает, что рациональность противника соотносится с результативностью предъявляемых угроз.

Управлять иррациональными противниками с помощью угроз крайне сложно.

В таких документах, как «Доктрина совместных ядерных операций США» (2005 г.) и «Концепция стратегического сдерживания совместных операций»

(2004 г.) анализируется стратегическое сдерживание. Оно определяется как «предотвращение агрессии противника или принуждения, которое угрожает жизненно важным интересам США и/или нашему национальному выживанию».

Стратегическое сдерживание убеждает противников не предпринимать достойные сожаления действия путем решительного воздействия на принятие решения»³.

Согласно доктрине под жизненно важными интересами США подразумеваются следующие интересы: «сохранение территориальной целостности США, сохранение политической и социальной целостности внутри США, предотвращение массовых потерь среди американского населения, обеспечение безопасности особенно важной американской и международной инфраструктуры (энергетика, телекоммуникации, снабжение водой, главные службы обеспечения и т.д.). Они поддерживают основы нашего уровня жизни и экономической жизнедеятельности, а также поддерживают оборону наших союзников. Из-за неопределенного будущего внешней безопасности высшее руководство страны может расширить список жизненно важных интересов»⁴.

В основе стратегического сдерживания находится ядерное сдерживание.

Т.Шеллинг подчеркивает, что действенность стратегического сдерживания осуществляется за счет:

- поддержания в боеготовом состоянии стратегических ядерных сил,
- наличия эффективной системы боевого управления ими,
- высокой живучести
- готовности высшего военно-политического руководства в случае необходимости решиться на применение ядерных сил.

Кроме того, ядерное сдерживание предполагает создание для потенциального противника максимальной неопределенности относительно условий, сроков, масштабов и способов применения Соединенными Штатами ядерного оружия.

С концептуальной точки зрения стратегическое сдерживание становится «теорией умелого *неприменения* (курс. – *Авт.*) военной силы и поэтому для сдерживания требуется нечто большее, чем военное мастерство»².

Следовательно, несмотря на значимость ядерного сдерживания, как вытекает из доктрины совместных ядерных операций США, сдерживание нельзя отнести к функциям исключительно министерства обороны США. Более того сдерживанию должна уделять важное место и дипломатия.

«С точки зрения дипломатии центральный фокус сдерживания для государства заключается в оказании такого влияния на процесс принятия решения потенциального противника, чтобы он сделал сознательный выбор в сторону воздержания от действий. Следовательно, американские усилия сдерживания направлены на то, чтобы повлиять на потенциальных противников удержаться от действий, нацеленных на нанесение ущерба американским интересам. Такое решение основывается на восприятии противником выгод от различных действий, сравнимых с оценкой и величиной затрат или последствий, относящихся к этим действиям»².

Для того, чтобы стратегическое сдерживание было эффективным к нему предъявляются следующие критерии:

во-первых, США должны обладать стратегической инициативой. Под этим подразумевается «способность государства контролировать развитие политической и военной ситуации или,

по крайней мере, влиять на формирование его больше, чем наши противники. Когда страна обладает стратегической инициативой, она может решать, когда воевать с противником, как и на каких условиях и в тот момент, когда можно самым эффективным образом действовать»⁵.

Во-вторых, необходимо обладать гибкостью и экономичностью действия. «Нам (имеются в виду США – *Авт.*) необходимо искать наиболее целесообразное, эффективное сочетание действий, которые могут достичь наших целей в национальной безопасности сегодня и поставят США в то положение, в котором они лучше всего смогут добиться своих устремлений в будущем»⁵.

Несмотря на мнение американских политологов и экспертов, что эффективность стратегии сдерживания измерить крайне трудно, если невозможно, «Доктрина совместных ядерных операций США» дает оценку эффективности.

«Эффективность сдерживания зависит от того, как потенциальный противник рассматривает американские возможности, а также волю, чтобы использовать данные возможности. Если потенциальный противник убежден, что силы США могут не дать им достичь своих целей (нанести потери их вооруженным силам, лишить их поддержки или ударить по другим ценностям), и если это восприятие привело к тому, что потенциальный противник ограничил свои действия, то тогда сдерживание эффективно. Сдерживание потенциального противника от применения ОМП требует, чтобы руководство потенциального противника поверило, что США обладают как возможностью, так и волей предупредить или нанести внушающий доверие эффективный ответный удар»³.

Тем не менее, остается открытым вопрос: как определить, почему противник отказался от каких-либо опасных для США действий? Как оценить, что это результат воздействия американской стратегии сдерживания на него, или есть иная причина?

Например, такой может быть причина, связанная с внутренней политикой государства – объекта воздействия, или результат изменений во внешнем окружении или что-то иное. Чтобы ответить на этот вопрос, необходимо обладать информацией о том, как идет процесс принятия решения. Также надо знать, какие акторы участвуют в нем, а какие акторы и процессы влияют на него. Очень важен фактор культуры и когнитивные факторы, влияющие на принятие решения.

Кроме этого в условиях растущей неопределенности и непредсказуемости международных отношений весьма актуальной остается заключение К.Клаузевица, что большая часть информации, получаемой во время войны, является противоречивой, еще большая часть – фальшивая, а самая большая часть – сомнительного характера. Этот фактор накладывает ограничения на возможность успешной реализации стратегического сдерживания.

В доктрине совместных ядерных операций признается, что стратегия сдерживания не всегда может оказаться эффективной. «Сдерживание предполагает, что руководство противоположной стороны исходит из логики своего собственного интереса и этот интерес рассматривается с отличных позиций культуры и императивов складывающейся ситуации. Это будет особенно трудно с негосударственными акторами, которые применяют или пытаются получить доступ к ОМП. В этом случае сдерживание может быть направлено на государства, стремящиеся к этому, а

также на террористические организации.

Однако продолжающееся распространение ОМП наряду со средствами их доставки усиливает вероятность, что когда-нибудь государство/негосударственный актор/террорист может ошибиться в расчетах или преднамеренно использовать это оружие. В таких случаях сдерживание, даже основанное на угрозе массового уничтожения, может оказаться неэффективным, и США должны будут применить ядерное оружие, если это будет необходимо. Следовательно, главный вызов для сдерживания убедительно сообщить противоположной стороне о своей воле и возможностях»³.

Несмотря на признание того факта, что сдерживание не всегда может быть эффективным и имеет определенные ограничения, в «Доктрине совместных ядерных операций» приводится ряд вызовов, позволяющих сделать сдерживание более внушающим доверие у противника, а следовательно, и более эффективным. В частности в доктрине отмечается, какое восприятие необходимо создать у противника:

- затраты эскалации будут большими, превышая негативные последствия сдержанности;

- США могут и проведут эффективную проекцию силы, несмотря на применение ОМП;

- американская ставка в конфликте высока, а политическая воля крепка;

- США в состоянии противостоять агрессии по всему спектру конфликта;

- США могут эффективно защитить своих союзников от нападения;

- применение ОМП скорее укрепит, чем подорвет решимость США;

- США не могут быть сдержаны угрозой применения или применением ОМП, и они готовы к риску эскалации;

– США способны эффективно защитить свои силы, население и наиболее важные объекты;

– передача ОМП террористам будет обнаружена, а его принадлежность идентифицирована;

– применение ОМП приведет к жестким личным последствиям;

– ответственные за применение ОМП будут своевременно определены;

– у них (те, кто применит ОМП – *Авт.*) есть, что терять.

Особенность разработанных требований заключается в попытке сочетать различные воздействия, направленные на разномыслящих противников.

Первая группа – это рациональный противник, мыслящий в парадигме норм и стандартов, близких к стратегии сдерживания, и обладающий примерно такой же, как и американцы, системой ценностей. Так например, именно на него направлено действие, убеждающее его, что «затраты эскалации будут большими, превышая негативные последствия сдержанности». По своей сути это убеждение не делать что-либо против интересов США из-за угрозы последующего наказания.

Вторая группа – это возможный иррационально мыслящий противник, который не боится наказания, так как «ему нечего терять». На него направлено действие типа «США могут эффективно защитить своих союзников от нападения» или «применение ОМП скорее укрепит, чем подорвет решимость США». Эти воздействия скорее можно отнести к пассивной защите. Задача заключается в том, чтобы убедить противоположную сторону воздержаться от применения ОМП против США и их союзников из-за невозможности изменить политику США.

Несмотря на присущие рациональной модели недостатки, эта модель остается краеугольным камнем американского стратегического сдержива-

ния. В частности, «Концепция стратегического сдерживания совместных операций» базируется именно на этой основе. В концепции утверждается, что почти все принимающие решение противники будут действовать в соответствии с логикой рационального собственного интереса. По определению, собственный интерес противника рассматривается с точки зрения его культуры, религии, идеологии и личных интересов. Этот интерес часто противоречит американским и западным нормам. Рациональный собственный интерес может включать внутренние организационные факторы, а также соображения относительно внешней среды. Действительно, чтобы предложить адекватную концепцию стратегического сдерживания необходимо учитывать культурные различия, которые могут объяснить разные реакции в определенных ситуациях.

Тем не менее, руководство США не отказывается от концепции сдерживания. Задача состоит в том, что перестроить ее на современные угрозы. «В Президентской директиве № 17 о политике национальной безопасности (*National Security Presidential Directive 17 – NSPD 17*) отмечалось, что более разнообразные и менее предсказуемые угрозы ...требуют применения новых методов сдерживания»⁶. Хотя данная директива не конкретизировала суть «новых методов сдерживания», сама постановка задачи позволяла говорить о том, что сдерживание остается актуальной, а американское руководство лишь требует откорректировать сущность сдерживания в соответствии с новыми условиями.

В новой ядерной стратегии США (2010 г.) остается установка на «поддержание стратегического сдерживания и стабильности на пониженных уровнях ядерных сил»⁷. Вместе с тем, сдер-

живание расширяется и, кроме стратегического сдерживания, в ядерной стратегии говорится и о необходимо-

сти «укрепления регионального сдерживания и поддержки американских союзников и партнеров»⁷.

Таким образом, можно констатировать, что стратегия сдерживания главным образом будет регионально ориентированной, призванной ответить на вызовы региональных противников США.

Для этого США придется бороться за контроль над порогом конфликта, за контроль над спектром конфликта, против попыток отрезать США от региона, а также против усилий руководства регионального противника увеличить затраты и издержки американского вмешательства. Кроме этого будет возрастать роль неядерного и динамичного сдерживания.

Примечание

¹ The Statement of Under Secretary of Defense for Policy Paul Wolfowitz. House of Armed Services Committee. Washington D.C. 1991. March 20.

² Шеллинг Т. Стратегия конфликта. М.: ИРИСЭН, 2007. С. 28, 22.

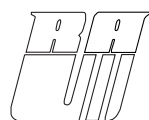
³ Doctrine for Joint Nuclear Operations. Washington D.C. Joint Publication 3-12. 2005. 15 March. P. 1-6.

⁴ Strategic Deterrence Joint Operating Concept. Department of Defense. Washington D.C. 2004. February.

⁵ Berkowitz B. Strategy For A Long Struggle // Policy Review Journal. 2007. February / March.

⁶ Стивенсон Дж. Стратегия «сдерживания и профилактики» терроризма // Международные процессы. Т. № 3. 2005. январь – апрель. С. 2.

⁷ 2010 Nuclear Posture Review (NPR). Fact Sheet. US Department of Defense. 2010. April 6.

ОБЗРЕВАТЕЛЬ
OBSERVER

<http://www.rau.su>

E-mail: observer@nasled.ru